

Втора. Иллюзия жизни. Том 4

Сказки для взрослых.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Владыкин

Александр Евгениевич Владыкин

Втора. Иллюзия жизни. Том 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29193248

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-2691-6

Аннотация

Это последняя из четырёх книг о Вторе и её друзьях. Все книги о Вторе – это сказки для взрослых. Я оставил много окон для будущих бабушек и дедушек, чтобы они, рассказывая сказки своим внукам, имели возможность что-то убрать из прочитанного, а что-то добавить от себя. Содержит нецензурную брань.

Миры Мооз

Глава 1 Вперёд к звёздам

Наша исследовательская межгалактическая лаборатория заканчивала свою работу в отведённом нам секторе. После напряжённого графика взятия проб, в маленькой части галактики Млечный путь, вобравшей в себя сотни звёзд и миллиарды планет, крупных астероидов, имеющих атмосферу, и комет, с различным внутренним содержанием газов. Созвездие Лебедя казалось игрушкой, со своим маленьким набором звёзд. Командор, самое неприятное и скучное, оставил на конец экспедиции. Из-за своей протяжённости, это созвездие было самым не изученным, никому не хотелось сотни лет провести в антигравитационных капсулах, пока не пришёл период, когда человек научился манипулировать временем и пространством, увязав эти понятия, как физические вектора, в одну ось координат, с привычными нам величинами, как скорость, сила тяжести и объём. Ребята радовались очередной остановке корабля, скорее напоминающего маленький город, с непривычным расположением отсеков и переходов, переходящих в площади, совсем не похожего на то, что я рисовал в своих мечтах. Мне не повезло, при взятии последних проб, разбилась пробирка в моих руках, и я умудрился получить генетическую инфекцию. Нет, чувствовал я себя хорошо, превосходно, но доктора исследующие пробы моей крови, заперли меня в карантинный блок, изо-

лировав от остального персонала; в качестве общения оставив мне рухлядь, отдалённо напоминающую квазоандроидный компьютер, не связанный с общегалактической сетью, и Лома (или Лому), как вам угодно. Лома – это самообучающийся робот, серии ХОМ – двадцать s, он не любил, когда сокращают его имя, оно напоминало ему одно из ругательств на языке, который он знал, а он знал их множество, и успешно бы мог справиться с ролью переводчика в каком – ни будь малоизученном мире, если бы морально не устарел, как модель с ограниченными возможностями применения. Вот так я и проводил свой досуг, в компании робота и надоевшего компьютера, с устаревшей проекцией экрана на сетчатку глаза. Организму пришлось перестраиваться, выращивать модем в коре головного мозга, для привычного восприятия компьютерного изображения. Друзей у меня не было, я даже не знаю людей среди ровесников, которые их имели, а из близких родственников, у меня остался только лениуарский кот, который питался звёздной энергией и постоянно торчал у окна, приклеенный к стеклу, слизывая длинным шершавым языком конденсат очищенного воздуха. По виду, он больше был похож на белку летягу, но из-за своего издаваемого звука, в момент принятия солнечных ванн, его называли котом. Отличие ещё было в том, что лениуарские коты – это сумчатые животные и имели два природных кармана на ягодицах, ближе к спине. Все повадки у этих животных, были такие же, как у земных белок. Тех, кто общался с эти-

ми животными, хорошо знает, что нет воровистее и наглее этих симпатичных рыжих, серых, чернобуромалиновых бес- тий, в ловкости, которые не уступали обезьянам. Украв теле- фон или ключ от твоего стратосферного глссера, они пря- тали всё сворованное в карманы и скрывались в таких ме- стах, где Макар телят не гонял. Легче было вызвать аэротак- си, чем найти кота в тёмной комнате. Он умудрился спереть предохранитель энергонакопителя, устроив прощальный ве- чер хозяину от домашнего любимчика. Сосед по площадке из перевоплощённых драконов, был коллегой по специаль- ности, так же, как и я, не имел специализированного образо- вания и числился младшим лаборантом, на таком же иссле- довательском судне, как у нас, передал мне для ухода цве- ток в горшке. Очень редкий вид, своего рода – бонсай три- ффида из планеты Драконов. Он предупредил, что кормить и поливать растение не нужно, оно само для себя найдёт пи- щу, единственно просил никогда не запирать форточку, даже в холодные месяца года, сославшись на то, что этот бонсай очень любит свежий воздух. Обманул, гад! Я чуть не посе- дел, когда эта пародия на триффид, ночью вылезла из горш- ка, и убежала в форточку охотится на голубей; ему было аб- солютно без разницы, что я живу на тидцать пятом этаже небоскрёба, он спрыгивал с карниза, словно переступал сту- пеньку лестничного пролёта. Я поначалу волновался, потом меня вызвали в домовый комитет и отчитали за то, что я тай- ком выбрасываю мусор в форточку, показав в качестве ули-

ки, видеозапись регистратора. Там я и увидел, как растение, перед приземлением, раскрывает природный парашют. Как он забирается назад, я не имею понятия; расстроившись после полученной квитанции в банке, за выплаченный штраф. Так я домовому комитету и не смог доказать, сославшись на тот самый регистратор, что я вышел из здания за пол часа, до падения этой непонятной ветки. Дома я все поставил на свои места, минут десять бегая перед цветочным горшком, крутя квитанцией с выплаченным штрафом перед его бутонами и ядовитыми отростками, похожими на нос. Триффид, как и кот, записал меня в противники, они спелись между собой, и устраивали мелкие неприятные пакости. Нет, днём это чудовище не рисковало больше выпрыгивать из окна. Что-то значит до него дошло, а по ночам, когда я спал, в их распоряжении был весь дом, который просыпался от ужасающих перепуганных человеческих криков, источником, для которого были мои милые безобидные домочадцы. Я их почти каждый день строил на кухонном плацу, ругая последними словами:

– Ну, скажите, зверьё, зачем вы сожрали бустельера из сто тринадцатой квартиры, оставив шкуру, с посмертным оскалом его хозяйке? Зачем вы накачали питона из двадцать шестой квартиры велосипедным насосом, превратив его в рыбу-фигу? Кто в косметичку актрисе засунул вонючих пиявок?

Эти два шибзика, которые, чуть больше двух хомяков в длину и пол хомяка в периметре, смотрели на меня такими

умилительными глазами, в которых виновато светилось:

– Мы больше не будем!

Я отдавал должное домашним питомцам, что они хоть жителей не трогали. Один раз, прохладно было, я на ночь прикрыл форточку, так получил такой укол от триффида в пятку, что потом два дня хромал. Я ему сказал, что дождусь, когда он выйдет и закрою форточку, триффид понял, покрутил веткой около своего виска – ты что, дурак? А потом подал ветку:

– Давай мирится.

После этого у нас в семье проблем не было, только сосед Гошка задерживался, а мне завтра в космопорт, на другую планету. По инструкции, домашним животным туда вход запрещён. Я объяснил питомцам в чём дело, не знаю: поняли ли они что, но по их глазам я прочитал:

– Ты не волнуйся хозяин, мы не пропадём.

Я подсунул запасной ключ от своей квартиры с запиской, соседу под дверь, а сам, наощупь начал собираться, чтобы успеть до закрытия портала в космодром, ругая нехорошими словами кота, стащившего предохранитель. Я успел, прошёл входной контроль, отстоял в шеренге сослуживцев, пока командор зачитывал задание для команды, и какое же было моё удивление, когда после старта корабля, разбирая свои вещи в каюте, я увидел обоих своих домочадцев, мирно и тихо сидевших в моём рюкзаке, и смотрящих на меня радостными глазами: А, вот и мы! Я, минут двадцать ничего не мог ска-

зять. Как объяснить этим животным, чего мне стоило найти работу младшего лаборанта на этом судне. Я целый час доказывал, что они нехорошо поступили, высадит нас командор на первой же обитаемой планете, и правильно сделает. Не было уже кухонного плаца родной квартиры, но эти котофикусы смотрели на меня такими виноватыми глазами, что я не выдержал и рассмеялся. Что тут началось! Такое ощущение что весь кубрик перевернулся вверх тормашками. Ну как после этого не любить животных? Растение соображало лучше, чем эта мяукающая белка с карманами, оно начало учить животное элементарным правилам невидимости, передавая опыт дрессировки моего соседа, который на одной из планет, с некрасивым названием Земля, успел поработать в передвижном цирке. Через месяц, я уже не боялся, что кто-то увидит моих питомцев, они научились так умело маскироваться, что их даже не могли заметить видеокамеры. Время от времени в кубриках проводили дезинфекцию, чтобы избежать случаев случайного заражения после захода на неизвестные планеты. Это было самое любимое время для содружества флоры и фауны моего кубрика. Они как предчувствовали, что именно сегодня травить будут, с утра совершали радостные прыжки и вели себя, как дети в песочнице, когда бабушки засыпали, пригретые весенним солнышком. Растение забиралось к коту в один из карманов и пользуясь непонятными формулами невидимости, прошмыгивали между санинспекторами и прятались в продовольствен-

ном отсеке. Для питомцев было три дня такого обжорства, что день варенья позавидует. Когда я первый раз увидел ко-та после этой процедуры, я понял, что нормальное название дали этому животному. Он бедолага еле дышал, был похож на детский мячик, который не мяукал, а хрюкал и которого пытался закатить в кубрик, такой же толстый триффид, растение хоть передвигалось потихоньку, в отличие от ко-та. Так мы и жили, неофициально, но весело. А тут такая неприятность, почти под конец экспедиции, и надо было мне случайно раздавить пробирку. Я спросил по переговорному устройству у микробиолога насчёт генетической инфекции, насколько опасно это. Врач, по возрасту, почти мой ровес-ник, ответил честно:

– Для тебя безопасно, но под действием таких природных катализаторов, как стресс, страх, любовь во всех её формах, даже радость, могут пробудить в тебе полученные генетиче-ские изменения в таких образах, что даже представить труд-но, болезнь твоя прогрессирует, я насчитал более ста пяти-десяти штампов различных генов в крови. Простым языком у тебя болезнь оборотня, только никто не может предпо-ложить, во что и когда ты превратишься.

Единственно, чем он успокоил меня, что если не перели-вать мою кровь донору, что приведёт к неминуемой смер-ти последнего, то моя болезнь не заразная, а наоборот уси-лила иммунодефицит, и по прибытии на космодром родной планеты, меня с нетерпением ждут три микробиологических

института, как особо интересный экземпляр. Мне как-то не хотелось быть экземпляром. Робот принёс мои вещи, согласовал с корабельным компьютером график моего питания, решил вопрос с мелочами, типа иголок, зубной пасты, мыльного крема, домашних тапочек, вместо бахил. И про меня, до конца экспедиции все забыли, кроме сенсорных датчиков медицинских приборов и моих малышей, и если датчики были смонтированы первоначально в карантинном блоке, то домочадцы прибыли вместе с одеждой в походном рюкзаке астробионика – так называлась моя специализация. Бедные дети, они с грустью смотрели на меня, словно чувствуя, что болезнь, которую я умудрился получить, как приговор на одиночество и место изгоя, в любом цивилизованном мире. Компенсация, которую выплатит транс галактическое агентство, не стоит тех мучений, которые меня ожидают. Я уже мысленно видел миллионные демонстрации жителей родной планеты против монстра, угрожающего благополучию их детей. Кот успокаивал меня, терся о мои ноги, а бонсай вылезал из горшка, показывал – не сходи с ума, тащил меня до вмонтированного в стене зеркала, и показывал веткой, что, посмотри, всё хорошо. Через неделю своих страданий я понял, что сошёл с ума. Я ничего не ел, оставляя всё домашним питомцам, почти не говорил с Ломой, и слышал, как растение с кото образной белкой, делят вслух утреннюю пайку на три части, и триффид отчитывает кота за жадность. Мне показалось, что я по ночам начал разговаривать с целой коло-

нией тараканов, поселившейся в моей голове. Я потерял счёт времени, триффид забирался ко мне на колени, кормил меня с ложечки, и говорил:

– За маму, за папу, за бабушку, за толстого дракончика.

Тогда я спросил Лома, слышал ли он чего – ни будь? Лома посмотрел на меня так, как будто в первый раз видел, и обидевшись, перешёл на другой язык, неизвестной мне цивилизации. Лома подумал, что я проверяю его работоспособность, и намекаю на то, что его модель безнадёжно устарела, и что его место в металлоломе. Он ненавидел, когда издеваются над ним, и не принимал никаких извинений. Я его понимал, сам в таком двусмысленном положении. Я подождал пока робот успокоится, и попросил прощения. Лома сказал, что меня давно простил, потом подскочил, у него произошло замыкание в голове и перегорело два предохранителя. Я вздохнул, открывая ЗИП, на его спине, я знал, как заменить предохранители у робота. Лома мотал головой, словно возвращая мозги на место. Я понял, я попросил прощения у робота на языке той, не известной мне цивилизации. Лома, сказал, чтоб я больше так не шутил, если знаю язык древних укров. Честное слово, я ранее никогда не покидал родную галактику. Не знаю, как так получилось. Лома не поверил, потому что сам недавно выучил этот язык, в котором говорилось, что всё умное во вселенной, механически родилось от этой древнейшей цивилизации. Я просто представил, как укры рождали этих роботов, и мне стало смешно. Я впервые

за много лет, проведённых в карантинном блоке, улыбнулся. Значит будет жить, – услышал я умозаключение кота. Через месяц я понял, что знаю языки почти всех планет вселенной, и отнёс это открытие, к моему генетическому изменению, под воздействием инфекции. Если только так? То это не плохо, – подумал я. Лома, постоянно, делал проверки, используя весь запас машинной памяти, ему не верилось, что человеку под силу овладеть такими знаниями. Я отвечал, называл координаты планеты, где говорят на данном языке, потом задавал вопрос на языке другой системы координат, часто ставя механического друга в неловкое положение. В подобных играх и проходил наш путь. Время от времени, медицинские датчики проводили обследования, сохраняя в секрете результат. Мне (автоматически и моим питомцам) было запрещено покидать блок, кроме робота, который предварительно проходил полную газовую дезактивацию, и то, он покидал карантинный блок с неохотой и очень редко, когда без чего-то, нельзя было обойтись. Лома, не смотря на механические мозги, был потенциальным домоседом, общался, в основном, с компьютером, иногда разговаривая со мной.

При длительных переходах корабля, нас предупреждал корабельный компьютер, автоматически переключая блок в режим ожидания и выключая корабельный таймер, отсчитывающий конец нашей экспедиции. Мы уже привыкли к обнулению времени, возникая в новой координатной системе, в

течение считанных секунд, компьютер сам находил порталы, связывающие галактики и отдельные звёздные системы, позволяющие кораблю обогнать свет и откорректировать время. На этот раз мы двигались к звезде Денеб, это был последний отрезок нашего пути, это было так символично, Денеб была самая яркая звезда, величавшая хвост птицы, после которого нас ждал путь домой. На этот раз после перехода что-то пошло не так. Нет, мы очнулись все в карантинном блоке, в полном порядке, но с каким-то беспокойством, особо оно проявлялось у домашних питомцев. Все молчали, не сея панику, только триффид оговорился:

– Как-то не по себе!

Потом, через месяц, после нашего приземления, резко выключился свет, не сработала система запуска аварийного терморектора. Я поражался, откуда я мог знать эти термины, человек, получивший три гуманитарных образования. Первым, открыв разблокированный люк карантинного бокса, минуя не работающую дезактивационную камеру, в разведку пошёл Лома. Через некоторое время загорелся аварийный свет, задрожал корпус корабля, и одновременно я услышал, как заработал реактор и ужасающий крик, от которого затряслись поджилки даже у невозмутимого растения. Кот спрятался в рюкзак, приняв позу земного страуса. Сосед, за чашкой горячего земного напитка, под названием чай, рассказывал, что в их цирковой труппе, была такая птица, которая своеобразно реагировала на зрителей, при пер-

вом же «Але!» прятала голову в песок манежа, выставляя свой шикарный зад, и так стояла до окончания программы. У кота получилось лучше, он спрятал большую часть туловища. Вскоре прибежал робот, этот неторопливый, степенный и уравновешенный механический меланхолик, примчался, поддерживая ЗИП, как набор таблеток для хронически больного человека. Мне показалось, что он побледнел даже малость. Он подошел к зарядному блоку, я заметил, что, когда Лома волнуется, его всегда пробивает на поесть. С прибытием Лома, создалась какая-то пауза, все ждали, что нам сообщит разведчик. Наконец он смог подобрать слова, переведя их с цифрового на общедоступный:

– Вы не волнуйтесь! Но нам кажется пришёл . . . , и он применил такое слово, которое очень ёмко отражало создавшуюся ситуацию, но не использовалось несколько тысячелетий, во всех лексиконах вселенной.

Потом Лома вывел картинку на монитор, и я увидел тихий ужас, окруживший наш корабль, утонувший в какой-то протеиновой, агонизирующей ловушке, защита корабля, стирающая в пыль многокилометровые метеориты, едва справляющаяся с безумием, окружившим нас со всех сторон. Это нечто, одновременно похожее на море червей и на волосы гигантской медузы, швыряло наш кораблик, как английский таун, перед тем, как погрузить его в стихию земного океана. Двигатели молчали. Я понимал, что аварийный реактор не вечен, он и так работает на уровне перегруза. Надо добрать-

ся до командного пункта запустить основные двигатели корабля, подключить корабельный компьютер. Я не знаю, что произошло, но на мониторе, вся много тысячная команда, включая командора, превратилась в пепел, на корабле был пожар, сгорело всё, что могло сгореть. Остались только пробы в сейфе. В закрытых верхних блоках погибли все, осталось несколько фрагментов скелетов и тени, как будто внутри корабля взорвали термоядерный заряд. Выяснять будем потом. Главное запустить двигатели. Я мчался в зал управления кораблём, механически перекинув рубильник, подключив корабельный компьютер. Откуда я знал, что без корабельного компьютера не включить двигатели? Потом, потом, я понял, что мне кто-то помогает снизу. Значит не все погибли. Я сразу ощутил себя в нескольких местах, я видел, как трещит корпус корабля, от атак извне, непонятной субстанцией, кто-то продувает двигатели, загрузился корабельный компьютер, дан предупреждающий сигнал на запуск двигателя, не выдержала защита, пропустив нечисть внутрь корабля, сработала защита на закрытие шлюзов. Я нажал на стартовую кнопку, и корабль взлетел, легко слушаясь руля, под моими руками, которые даже аэромобиль не научились нормально водить. Всё-таки это нечто, чуть не повредившее наш корабль, было больше похоже на медузу. Силой двигателя порвало её ядовитые щупальца, как выйдем за пределы стратосферы, надо будет от них избавиться и заняться ремонтом корабля. Честно, откуда я это знал? Такое ощущение, что я

в прошлой жизни, или в будущей, только и делал, что пилотировал корабли подобного типа. Корабль вышел в стратосферу планеты, но и здесь нас пытался кто-то атаковать, но защита корабля справляется, усиленная энергией основных двигателей. Я с опозданием отдал приказ компьютеру на применение военных бластеров в отражении любого противника, приблизившегося к кораблю на сто метров. Движение корабля выровнялось, его перестало болтать. Мы вышли в море вакуума, и я дал команду на перевод части основных двигателей в дежурный режим. Корабль, как большой спутник, плыл по орбите над планетой, так напугавшей нас. Пришло время успокоиться и подвести итог. Где мы, кто мы и зачем мы здесь. Корабельный компьютер сообщил, что вышло со строя восемьдесят процентов всех видеокамер и датчиков, от тепловой атаки и жёстких рентгеновских лучей неведомого объекта, отсутствие обслуживающего персонала девяносто три процента, перечень повреждений, количество исправной робототехники... Главное, что холодильники выдержали, видимо эта атака неизвестного объекта была кратковременной. Первыми к холодильникам добрались мои питомцы. Я приказал компьютеру приступить к ремонту корабля, с дезинфекцией повреждённых отсеков. Скоро стали в корабельном актовом зале собираться выжившие члены некогда большой команды. Среди спасшихся был один врач, перед аварией, спустившийся по вызову в самый нижний сектор к мотористам. Он занялся организацией и спа-

сением раненых. К вечеру в живых осталось сто пятьдесят шесть членов экипажа, и два туриста и обжоры, которых мне собственноручно пришлось доставать из блока питания.

Глава 2 Школа полубогов. Тюрьма создателя

Я уже не верила, что эта учёба, когда – ни будь кончится, меня, как маленькую невоспитанную школьницу отчитывала какая-то головёшка, не вытаскивающая длиннющую сигарету из зубов. Оказывается, она так дышит, и управляет одновременно двумя галактиками, в которых уйма звёзд и планет. Я уже не знаю, сколько прошло времени с того дня, как я подписала контракт с одним из кураторов Млечного пути, но преподаватели успокоили учащихся, что по окончании нашего обучения, они обнулят время, проведённое нами за партой, и вернут нас, приблизительно, в тот час, откуда нас взяли. Только они не сказали какова погрешность и цена этого «приблизительно», но мы знали одно, что нас готовили к управлению звёздными галактиками, и вряд ли будет время, чтоб посетить своих друзей и близких. В своих галактиках нам придётся решать все вопросы единолично, времени не будет для оказания помощи, если случится разбаланс системы или изменятся орбиты управляемых тобой объектов. Мы скрупулёзно изучали все аварии во вселенной по вине управителей. Мне, как землянке приводили в пример Пана, которому был доверен сектор Млечного пути. По его вине, планета Фазтон сошла с орбиты и произвела боль-

шие разрушения в Солнечном мире, и только усилиями соседей и их слаженными действиями, удалось предотвратить катастрофу в самой сложной, из густонаселённых, различными объектами, галактик. Я выслушивала холодную лекцию специалиста, которая умышленно не сказала, что во время аварии погибло три планеты вместе с народами, заселявших их, превратив их в пояс астероидов. Эта авария коснулась не только Солнечной системы. Никак не могу привыкнуть к тому, что жизнью живых существ привыкли пренебрегать, едва оторвавшись от простого народа, отдавая предпочтение не материальному. Головёшка, как прочитала мои мысли, не хочешь, чтоб гибли живые существа, учишься правильно управлять доверенной тебе галактикой. На любой планете, где есть разумная жизнь – свои кураторы, которые обязаны подчинятся тебе, Втора. Головёшка назвала меня по имени, это равносильно, что в угол поставить строптивного ученика, которого запомнили, чтобы с пристрастием испытать на экзаменах. Я уже более двух тысячелетий передвигаюсь по всему звёздному небу, от созвездия к созвездию, от галактики к галактике, впитываю мудрость существ, называемых полубогами, которые, всего лишь, исполняют волю создателя, не допуская пробоев, способных взорвать весь созданный мир. «Бог, не скрывал, что он тоже может ошибаться», – говорит нам учитель, похожий на гигантского индюка, управляющий одной из спиральной галактик, – наша задача помочь ему исправить эти ошибки. Я механически слушала, и не дума-

ла, что не пройдёт и полгода, как я буду вспоминать каждое слово этой мудрой птицы, считая его тезисы, во времена ученичества, простой преподавательской демагогией. Экзамены. Наконец мы дожили до экзаменов. Нет, нас ещё не допустили до управления галактиками. Нам смоделировали простые звёзды с одно планетной системой, произвели для каждого экзаменуемого ряд возмущений, и мы, как обыкновенные регуляторы, должны были ликвидировать колебательный процесс, управляя звездой или планетой. Для меня это показалось просто, это равносильно, что остановить шарик, привязанный к резинке. Я даже мысленно представила резинку между планетой и солнцем. Как не хитрили преподаватели, а я лучше всех справилась с заданием. Наверно поэтому меня бросили на стажировку, на край вселенной, в спиральную галактику, с созвездиями блуждающих звёзд. Куратором у меня был худой и эксцентричный головастик, жёлтый и похожий на наркомана. Я даже не предполагала, что это представитель самой древней звёздной цивилизации, некогда заселявшей половину звездного мира. Эта галактика постоянно находилась в дисбалансе, орбиты планет меняли свои направления произвольно. Шеф, это было настоящее имя моего наставника, постоянно был в движении. Я даже не знаю, спал ли он, когда – ни будь, мне казалось, что приди я в любое время суток, увижу его дёргающимся за пультом, похожим на электронный музыкальный орган. Он был сумасшедшим немного, этот Шеф, каждый раз встречал ме-

ня словами:

– Добро пожаловать в мир хаоса.

Он мне рассказывал всё о своей галактике, как футбольный комментатор, описывая своё влияние на звёздное небо, говорил, что нужно научиться жить, как эти капризные звёзды, приспособится к их эгоистичным требованиям, научиться предугадывать их ненасытные желания, чтобы держать их в узде, используя их слабости. Шеф был фанатиком звездного управления. Через три месяца наблюдений, он начал меня частично подпускать к пульта, поначалу у меня не всё получалось, я делала грубейшие ляпы, допуская столкновения звезд и рождения сверхновых, наставник терпеливо уравнивал систему, стараясь успокоить меня, потом подробно описывал мои ошибки. Через полгода он уже мог не смотреть на галактику, а я успешно занималась аэробикой, ногой пододвигая бутерброды, потому, что руки постоянно были заняты. Наставник дал мне лестную характеристику. Я успела увидеть, как приехала его жена, со старшим сыном и они поделили пульт, и тогда я увидела, как играют профессионалы на звёздной светомузыке. Шеф признался честно, что согласился на интерна, чтобы дать возможность отдохнуть жене и сыну. Только его характеристика мало помогла, был ещё экзамен, посложней, с живыми звёздами и не с импровизированным пультом. Я справилась, я выдержала экзамен.

Мне достался билет не с галактикой, а со звёздной систе-

мой Лебедя. Это была не простая, но успокоенная система, без особых колебаний, относящаяся к стабильным. Если бы я знала, что она слабо изучена, таит в себе столько сюрпризов, то наверно отказалась бы от жребия управления Лебедем. Я сначала думала, что меня ожидает с десятков звёзд, из которых самая крупная – Денеб. Когда я прибыла к месту постоянной работы, взглянула на покрытый многовековой пылью пульт, на звёздный монитор, раскинутый для образного обозрения в полусферу, я ужаснулась от количества объектов: здесь одних звёзд было более сотни, скрытых, спрятанных туманностями, пережёванных и выплюнутых чёрной дырой соседней галактики. Так что, мне достался не Лебедь, больше похожий на курицу в мечтах звёздного интерна, а целая птицефабрика, заселенная неизвестными объектами, которые не подлежали классификации. У меня на теле засветилась подпись бога, который вместе с жезлом легата, висевшим грузом ответственности на цепи, окутавшей мою шею, давало мне право на управление божественной колесницей, стоящей на выходе из зала управления галактикой. Колесница представляла из себя прозрачную сферу, цельную, без каких – либо окон и дверей, меняющую свет, по прихоти создателя, и абрисом, отделяющая себя от окружающего мира. Мне она напомнила огромный мыльный пузырь, переливающийся под светом искристых лучей солнца и готовый, либо лопнуть от малейшего неосторожного прикосновения, либо поглотить внутрь себя что – ни будь бестолковое и ненужное.

Я уже устала ругать себя: ну дура, я дура! И этого Лебеда мне подсунули, пряча улыбки и глаза, эти звёздные шарлатаны. Я вспоминала всё, что говорили мне преподаватели о этих шарообразных колесницах. Сделаны они из самого крепкого материала вселенной – из сплава мысли и желания. Управляются легко, входи и управляй, если хочешь отдохнуть от утомительных дел, чтоб тебе никто не мешал, влетаешь в любую звезду, и она экранирует тебя от нежелательных раздражителей. Всё очень легко и просто! Я тогда ещё задала вопрос этой улыбающейся туманности, состоящей из мириад, похожих на энергоноидов:

– А, что, если кто нападёт на этот воздушный шарик?

Мирта не прекращая улыбаться, ответила глупой сверхлюбопытной землянке:

– Получит самый достойный убийственный ответ – Любовью.

Я не стала задавать больше вопросов инопланетному наставнику, похожему на приведение, чтобы не показаться смешной другим ученикам, и на меня не показывали пальцем, на звёздных переменках. Для себя я сделала неутешительный вывод из этой беседы:

– Если тебя любят, то значит медленно убивают, разрушая твой мозг и раня смертельно сердце, добиваясь проникновения в твоё тело.

Я услышала ехидный хихикающий смех в ментале:

– Втора, не то, совсем не то.

Я узнала Гремми:

– А, ты, что здесь делаешь?

Мне было приятно, что кто-то из своих находится рядом.

– Я по соседству с тобой, на курсах.

Потом, сколько я его не вызывала, Гремми не отвечал, только спустя два тысячелетия я узнала, что мой друг, курирующий работу самой Смерти на Земле, трагически погиб в маленьком созвездии рядом с Альдебараном. Экскурс в прошлое мне не помог, я никак не могла войти в этот мыльный пузырь, он, как строптивая лошадь, отпрыгивал от меня, а я, как дура, гонялась за ним по всему звёздному небу. Честное слово, я готова уже была пойти пешком, на обследование этой шипящей и пугающей клювом птицы, а дальше пусть что будет. Потом села, сосредоточилась, представила, что хочу попасть внутрь этой сферы. Открыла глаза, а я уже внутри экипажа. Я поняла, что всё неправильно раньше делала с этим пузырём, просто надо было закрыть глаза, чтоб мыло не попало. Пузырь рассмеялся. Я огляделась. Я плавала стоя в сфере, внутри какого-то тумана, меняющего время от времени свой цвет, не было больше ничего, не кнопок, ни пультов, не руля, ни штурвала с камбузом. Всё что находилось за пределами сферы, было видно чётко, я даже могла увеличить или уменьшить до бесконечности любой обозреваемый объект, приблизить или удалить его на любое расстояние. Я поняла – колесница бога, это был пульт дистанционного управления, а так как сделан он из сплава мысли

и желания, то и управлялся он только мыслью и желанием, как в сказке – По Вторинному велению, по моему хотению. Я улыбнулась, вспомнив своих друзей. Я только представила двойную звезду Альбирео, венчающую доверенное мне созвездие, как сфера очутилась в месте влияния этих огромных звёзд, они притягивали к себе астероиды, кометы, планеты и их спутники, поедая этот «комбикорм», соревнуясь с чёрной дырой, вплоть подступившей к созвездию. Чёрная дыра – этот символ ненасытности, ворующий крохи со стола гордой птицы, явно страдала перееданием, изредка изрыгая подогретую пищу, которую не в состоянии была переварить. Находясь всего в нескольких парсеках от клюва этой птицы, я увидела весь процесс её кормления, и не стала оставаться, для подсчета мелких объектов, привлечённых в созвездие со всей вселенной, они, как просыпанное зерно, со временем все окажутся в клюве огромной птицы, любящей много и вкусно поесть. Кто говорит, что Космос – это безмолвие и холод? Космос – это книга, которую нужно уметь читать. Я без сожаления покинула голову этой птицы, возвращаясь в зал управления, прихватив по пути маленький звёздный пылесос, ещё не успевший стать взрослой чёрной обжорой. Предстояла генеральная уборка, в месте, где мне придётся работать последних несколько тысячелетий. Я её решила начать с пола, приготовив швабру, тряпку и ведро с водой.

Среди выжившего персонала было несколько инженеров,

врач, два химика и один учёный, числившийся, как гость, приглашённый компанией. Учёному была отдана туристическая каюта, чудом не повреждённая аборигеном – агрессором, этой недружелюбной планеты. Я сидел в центре управления кораблём, переваривая весь объём информации, свалившийся на мою голову, за последний день, даже мои измененные гены, не могли мне помочь в этом танталовом труде. Когда я за спиной услышал лёгкое покашливание, сначала подумал это бонсай балуется, растение освоило подражание человеческому голосу, и словно говорящий попугай, пользуясь цирковой невидимостью, пугало всю команду исследовательского корабля. В ассортимент этого шутника входили реплики из фильмов ужасов, и из смеси старинных мультфильмов для детей. Представьте моё состояние, когда я захотел утолить жажду, а над головой голосом злодея Чебурашки:

– Не пей водицы, Шапокляка, из стакана, которого я замерил земляными червяками!

На этот раз мне посчастливилось лицезреть перед собой существо, похожее на нарисованного Карлсона, только без пропеллера. Он представился:

– Кх-м, к-хм. Дормидонт Поликарпович!

Я чуть под стол не сполз, но постарался взять себя в руки, сделал серьёзное официальное лицо:

– Ну, и?

– Я бы хотел посоветоваться с корабельным компьютером.

У меня не сходятся координаты нашего местоположения, по моим расчётам здесь должна быть огромная звезда, а мы находимся внутри этой звезды. Абсурд, я понимаю.

Я понял, передо мной, как раз, был тот самый учёный, который заканчивал список оставшихся в живых на корабле. Как-то получилось так, что я негласно стал во главе этого погорелого сообщества. Я разрешил учёному пользоваться базой данных корабельного компьютера, и переключился на контроль ремонта корабля. Проблема возникла с удалением оборванных щупалец медуз, в повреждённых блоках корабля. Они успели пустить споры, которые вросли в металл облицовки, и только после применения плазменной обработки металлических поверхностей, можно было, с неполной уверенностью, говорить о том, что дезинфекция корабля произведена. Роботы ежедневно сканировали восстановленные и обеззараженные районы корабля, но мне уже было известно, что не только я, со своей непонятной инфекцией, а и все остальные, оставшиеся в живых, существности, в том числе и люди, на вечно приговорены быть заложниками этого корабля, без права посещения заселённых объектов. Не заселённых, к сожалению, тоже; уж, сильно агрессивно вела себя нечисть этой планеты. Нужно было разобраться, как бороться с этим нечто, сделавшего нас изгоями вселенной. В состав корабля входили жители пятнадцати звёздных систем. Сам я не имел права принимать решение, свои догадки и размышления я хотел вынести на общее собрание, только нужно было это

правильно обосновать. Первоначально, не понимая того, в какое дерьмо мы вляпались, мне хотелось вырваться из этого ада и поскорее смыться домой. Но нельзя! Мы опасности подвергаем родные системы, не разобравшись как обезопасить их от этой гадости, которая кишит на планете, под кораблём, выбрасывая в атмосферу протеиновые протуберанцы. Карлсон, с лохматой причёской, прибежал, возбуждённо махая перед своим носом распечаткой компьютера:

– Вот, вот! Я не ошибся, правильно рассчитал координаты, мы находимся в заднице Лебеда, где должна быть звезда Денеб. Компьютер подтвердил это.

Я оглох от его крика:

– У кого мы в заднице находимся? Что там должно быть? И кто там кого Денеб?

Мои мысли плавали совсем в другом направлении, и мне не интересно было местоположение корабля, когда я точно знал, что эта задница под нами, и мы из неё не скоро выберемся. Я не придавал значения словам учёного, а зря! Я разрешил этому Поликарпу, или как его? Пользоваться корабельным компьютером по его желанию, когда он хочет, открыв доступ, на правах пользователя. Он, фактически, пропадал в, соседнем с центром управления, блоке, не беспокоя лишними вопросами меня.

На собрание в актовЫй зал пришли даже раненные, я постарался объяснить ситуацию, в которую мы попали, без како-

го-либо приукрашивания событий, попросил подумать хорошенько, а через неделю проголосовать: прорываться домой или остаться на месте чтобы разобраться с дерьмом, которое нас чуть не сожрало. Я знал, что убил последнюю надежду выживших на этом корабле. Целую неделю корабль гудел, как улей, говорят, доходило даже до драк, но на поимённом голосовании, все были за то, чтобы остаться, кроме одного, не оставившего своего имени, подозреваю, что это был ле- ниуарский кот, соскучившийся за уютной кухней с безмер- ным холодильником, всё-таки натуральная пища не идет в сравнение с солнечными батареями и корабельными полу- фабрикатами, на которые мой питомец, уже смотреть не мог, от систематического переедания. Инженеры составили план- график и приступили к созданию специализированных ро- ботофицированных зондов и десантных капсул, для изуче- ния планеты, дав ей ласковое название – Мочалка. Уж, силь- но её поверхность напоминала средство, применяемое при принятии ванн. Я вспомнил, как она нас пыталась отмыть, при первом, аварийном приземлении на эту планету, если бы не Лока, то эта бы мочалка смыла бы нас, вместе с пеной, не оставив даже воспоминания о корабле. В компьютерной раздался ужасный крик, Поликарпович стоял на столе и от- махивался ладошкой от триффиды, приклеившего к своему телу полоски из блестящей бумаги, замаскировавшись под оторванный щупалец медузы, пытающийся уколоть учёного своим жалом, пару раз ему это удалось. У Карлсона с волос

сыпались электрические искры, в которых, с наслаждением, купался лениуарский кот, время от времени дёргая учёного за уши. Мне пришлось вмешаться и наказать хулиганов, отнеся обоих в карантинный бокс и попросив Локу не выпускать их на корабль. Дорминдонт, держась за место, противоположенное животу, поковылял в бокс корабельного врача. Потом я услышал, как бонсай жаловался коту, что он хотел незаметно приколоться к новогодней ёлке, на экран монитора, а этот толстяк стал лупить его ладошкой, а командор не разобрался и поместил свободных индейцев в тюрьму. Пришлось живность выпускать, мне ещё войны на корабле не хватало, эта флора с фауной уже какой-то топор откапывать собрались. Я им дал строгое взыскание, чтоб они близко не подходили к Карлсону. Потом мы раскурили трубку мира. На этом внутренние недоразумения улеглись. Карлсон залечивал, полученные в неравном бою раны, жаловался доктору, что двое на одного, это нечестно. Он бедолага не мог не лежать на спине, ни сидеть на кресле, я знаю, как болезненной укол триффиды, сам два дня прыгал на одной ноге.

На этот раз Гоша решил не задерживаться в столице, получил зарплату за полгода странствий в созвездии Лиры и Волопаса, он на несколько минут заскочил домой, прочитал записку, соседа, зашёл в его квартиру. Не кота, ни драго он не нашёл. Форточка была открыта. Гоша соскучился за подарком с планеты Драконов, но портал на Землю закрывался

через пару часов, и Дракон хотел успеть на последний лайнер в сторону Земли. Гоша абсолютно не беспокоился за домашних любимцев, они не пропадут в мегаполисе, могут только отвыкнуть от хозяев, одичать, но с голода не умрут. Гоша занял своё место в лайнере и уставился в окно, он знал, что кроме мелькающих звёзд он ничего не увидит в чёрном туннеле перехода, но детская привычка осталась. Гоша не хотел вспоминать о грустном, давным-давно стёрлись границы между странами справедливости, всё перемешалось, многих тех, кого видел дракончик в детстве, уже нет. Недолговечен век сказочного героя, пока его помнят, рассказывают сказки с его участием, он живёт. А, как только забывают – он умирает и приходит по ночам к тому, кто случайно вспомнит его во сне. Гошка знал, что нет в живых Завсехи и бабушки, родители похоронены под Липецком на Кудыкиной горе, нет Коли, совсем другие сказочные герои обрабатывают его поле, пропал Водярный, потерялся след его друзей Андрюши и Светы, нет Василины с мужем, принцесса замков вышла замуж и уехала жить в Калининград, выбрав мужа себе не из знатных, а чтоб любил. Дворец так и пустует, ждет, что когда-нибудь, кто –ни будь его достроит. Сусанин, незадолго до своей смерти, прислал Гоше посылку на работу, с большим пучком свежих розог. Баба Яга совсем оглохла, не выходит со своей избы, у которой течёт крыша и мучает радикулит. Гоша всё это знал, но на родину всё равно тянет. Первый раз остановились на небольшой цифровой планете, Гоша с

любопытством рассматривал синих улиток, встречавших кого-то с лайнера. По перрону шёл землянин и предлагал купить жаренные пирожки, у Дракона ёкнуло сердце, он выскочил на перрон, купил всё ведро с пирожками, но это был не Водярный. Потом был Марс, потом Павелецкий вокзал, пара электричек и полустанок, за пять остановок, от города.

Глава 3 Вакансия полубога отсутствует.

Встреча с планетами – арестантами

Я продолжила изучение реального положения дел в созвездии Лебеда, остановившись в скоплении малых звёзд, скрытых туманностями, окружающими созвездие, в самом его центре, возле знаменитой звезды Садр. Никогда не видела таких больших звёзд, моё сердце было переполнено гордостью, что даже этот сверхгигант, послушно подчиняется движению моей руки и мне доверено управлять такими огромными звёздами. Я делала снимки, зарисовывала всю мелочь, крутившуюся возле звезды, не забыв отметить тот затуманенный бисер, рассыпанный на огромном пространстве от Садара, до Альбирео, а так – же, венчающий крылья величественной птицы, всё оперение Лебеда состояло из множества объектов, заметных только при близком приближении. Здесь был полный астрономический набор вселенной, на вкус любого гурмана: от квазаров и пульсаров до гравитонов и гамма излучателей, всё это пересекалось с орбитами блуждающих звёзд, комет и планет самоубийц. Масса звезды, венчающей грудь Лебеда, перемалывала эти песчинки,

словно подсолнечную лузгу, ещё на подлёте к светилу. Я для себя сделала отметку, что в случае пробоя, направлять любой мелкий объект на Садар, но система само регуляции и без меня справлялась с колебаниями, Лебедь мощной грудью рассекал просторы космоса через тернии, встречающиеся на его пути. Целый день у меня ушёл на обнаружение скрытых объектов, и я домой приползла, буквально, на карачках. Хорошо, что меня никто не видел. Картина начинала вырисовываться, и я начала догадываться, как создателю удалось удержать такие массивные звёзды в равновесии во вселенной, осторожно перемещая их по немислимым орбитам. В космосе нет ничего статичного, все движется, смещается, живёт. И моя основная работа состоит в том, чтобы не допустить, пришедшую в гости, без приглашения, звезду и не дай бог, позволить ей устроить конфликт в доме хозяйки, доведя инцидент до образования сверхновой. Пока я не касалась пульта, система находилась в само регуляции, предупреждения с центра о предполагаемых пробоях не поступало. Я медленно и уверенно шла к своей цели, мне нужно было знать, что попало в мои руки. Скучать пока было некогда, работа была настолько интересной, что отнимала всё моё время, и я, изучая своё созвездие, чувствовала себя первооткрывателем в новом для меня мире.

Бабушка выскочила с помповым ружьём, но увидев Гошку, ремонтирующего крышу успокоилась:

– А, я думала опять эти, бойскауты пришли. Прошлый раз метлу спёрли, ступу сломали, мерседес запорожский в металлолом сдали, деньги пропили.

Мимо пробежал чей-то малой:

– Ты бабка не грехи, не трогали мы твой запорожец, сама на иностранную ворону запала, просила, чтоб на жениха тебе погадала, она в счёт оплаты своего экстрасенсорного труда, твою рухлядь ржавую и забрала. Склероз у тебя, бабушка.

И побежал дальше.

– Точно, вспомнила, прилетала тут ворона цыганка. Глаза хитрющие, зырк туда, зырк сюда, юбка длинная, в одной руке – колода карт, в другой – преёскурант, пальцем на мой мерседес показывает и говорит: – Кар. Такое ощущение, что она никогда машин не видела. И нагадала мне она казённый дом, и короля бубнового в нём, а утром проснулась – ни кара, ни машины, не короля. Вот ты Гоша у нас человек учёный, скажи – ка мне, милый – Почему герои у нас рождаются на страницах русских сказок, но умирают в сознании наших детей?

Гоша не отвлекался, гидрометцентр обещал дожди по всему сказочному королевству, он хотел успеть перекрыть крышу. Но баба Яга не унывала, она уже давно разговаривала сама с собой, с тех пор, как в России перестали покупать русские сказки, а добрые советские мультфильмы, заменили на злые, не советские, аналоги.

– Иду я, значит, по селу, дома все важные стоят, как ха-

усы, я в магазин, а он пропал, на его месте супермаркет, я к колодцу, до эха – Алло, а оно меня Хеллом обозвало. По улице девки ходят, срамота, а повернутся, рожи перекошенные, анимэ называются, мода у их молодёжи такая, чем больше лицо перекошишь, тем красивее и замуж быстрее возьмут. Теперь куклы в моде худые, на бывшего фермера Колю похожие, чтобы губы, больше киевских вареников были. По улицам ходят какие-то резинки от трусов с губками и гнилым сыром. Тьху! И система экстренного питания неправильная стала, вместо пирожков с картошкой, Чипа – Чупс с Чупа – Чипсом выдаёт.

Дракон заканчивал ремонт, уже начинал накрапывать дождь, из-за угла вырулило чудо-юдо со своим знаменитым зонтиком. Жизнь в стране Истины продолжалась. Утром, пока все спали, дракон пробежался по селу. Ему понравился внешний вид улиц, стало чище, просторней, нарядные дома, с металлическими выкрашенными в разные цвета крышами и кованными заборами, со вставленными пластиковыми окнами, с прилегающими к ним газонами, украшенные цветами, всех уголков вселенной. Гоша обратил внимание на новое здание, чем-то напоминающее ему, ещё не забытое детство. Ну, да, точно – эта была его академия, наверное, нашёлся из учеников, ещё один умелец, что после его переноса столь массивного заведения, легче было перенести в село мудрецов, чем вернуть всё назад, как было. Гошка подошел поближе, на здании весела вывеска: Волшебная государ-

ственная гимназия. Это был шок! Гошка почувствовал себя, одним из последних воспитанников, получивших полноценное академическое образование. Он не стал задерживаться в селе, насытившись информацией, полученной от соседки по лесу, во время вчерашнего ремонта. Дракон вдохнул в себя свежий сельский воздух, расправил крылья и двумя мощными взмахами поднялся в небо, и улетел в затаённые места своего детства, известные только ему одному.

Вчера пришлось задержаться, прорабатывали предстоящий план десантирования на планету, исключая все неудобные мелочи, связанные с дезактивацией робототехники. Совместными усилиями, приняли решение, что после проведения дистанционного исследования всех интересующих нас объектов, включая лабораторные анализы, подарить капсулу, вместе с содержащим её оборудованием, а так – же, роботами последней модификации, обитателям этой зловещей планеты, если не найдём эффективного способа обеззараживания от этих монстров, неведанных глубин, живого океана смерти. Домой в, облюбованный мною, карантинный блок, я вернулся поздно, и буквально, провалился в сон, только головой коснувшись подушки. В этот миг меня нельзя было разбудить, даже взорвав петарду в моём ухе. Однажды, я вовремя предотвратил подобную попытку, разбудить меня таким образом, предпринятую моими любимыми питомцами, вовремя перехватил выпадающую из их рук кувалду,

нацеленную в моё ухо, забитое детскими безопасными новогодними петардами, которые сосед Гошка хранил на балконе, рядом с боевыми осветительными ракетницами. Так, что, если во сне, рядом, ещё, с вашей головой, вспыхнул яркий ослепительный свет, то не бойтесь, это мои зверушки забавляются, играя в русскую сказку, а если увидите на голом животе лягушку Агу, всунутую в спичечный коробок, запряжённый самыми экзотическими ядовитыми пауками, то эта сказка была про земноводную царевну. Но если вы, случайно, почувствовали болезненное жжение и запах вашей горячей кожи, то знайте, эта гремучая смесь флоры с фауной, просто попутала, и спалила вместо лягушачьей кожи, то что, легче было поджечь. Если вам, все-же, повезло, и вы лежите в реанимации, где врачи борются за вашу жизнь, разматывая самовозгорающиеся фосфорные спички, привязанные обыкновенными шелковыми нитками, ко всем участкам вашего тела, начиная с паха. Не обижайтесь! Это, всего лишь игра! В этот раз меня подбросил с постели холодящий сердце звук, нет это был не рёв сирены, предупреждающий о проникновении чуждой инопланетной нечисти – это был рёв, убивающих друг друга, моих питомцев. Я успел вовремя перехватить за шкуру обеих, избегая острых когтей белки и жала домашнего триффиды. Мне было не до разборок, я был похож на не выпавшего зомби, успел только разделить драчунов, отдав и одного и другого в разные руки, для починки. Доктор, потом, рассказывал, что коту пришлось под местной

анестезией, зашивать карман, триффид успел нанести два удара в самое болезненное место для животного, теперь они лежат на соседних койках с Карлсоном, на животах, и играют в города, придумывая такие названия, от которых бы свернулись уши в трубочку, у любого, уважающего себя, межгалактического атласа. Триффиду повезло, девочки со столовой, нашли всего три укуса, пришлось ампутировать повреждённую конечность, забрызгав рану зелёнкой, в надежде, что вырастет новая, ещё лучше, чем прежняя. Растение непрестанно ругалось, вгоняя прекрасный пол, проводящий операцию кухонным ножом, в краску. И только пришедший шеф повар, все поставил на свои места, обмотав голову бонсая бинтом и посадив его в компост из, перемолотых на мясорубке, шкурок картошки. Вечером началась разборка полётов. Триффид был характерный, злость в нём не перегорела, посылал всех на ... санитарный бокс, вместе с его страдающими пациентами. Учёный жёстко принял позицию лениуарского кота, на жизнь которого покусилось это ужасное существо, похожее на дракона Комодо, явившееся на наш корабль с целью – пережалить всех его обитателей. Белка плакала и рассказывала, что они играли, как всегда, в инопланетных десантников, нашли воздушный шарик в аптечке, накачали его компрессором, привязали картонную крышку от коробки, заменившую воздушную корзину, в которую забрался кот, и он уже готов был десантироваться на планету, полную врагов, когда этот огрызок драконовой колючки назвал меня – Ди-

рижабой! Я от обиды, чуть из корзины не выпал, а когда он сказал, что я вылитая Дирижаба...

– Всё так хорошо получалось, этот летающий мешок кошачьих какашек, выплыл в середину комнаты, расставив весь свой цеппелин, с острыми когтями, приготовившись к атаке неприятеля, но вместо того, чтобы разделаться с запасными шлангами пылесосов выпрыгнув из дирижабля, он покусал меня, откусив руку...

Да простит творец моё неземное происхождение! Мне пришлось обратиться к компьютеру, но я так и не понял, из-за чего подрались два закадычных друга и почему моего любимчика все на корабле стали называть – Дирижабой. Белка, поначалу, обижалась, а потом привыкла. Не прошло двух недель, как Дирижаба с Колючкой затеивали что-то другое, грандиозное, чтобы спасти мир, населённый сумасшедшими учёными, злыми лаборантами и зелёными командорами, от вселенской катастрофы.

Неожиданность меня поджидала в хвосте птицы: то что я считала надёжной защитой, подарком провидения, в лице одной из самых больших и ярких звёзд вселенной, способной спасти мою систему от любого пробоя злой Фортуны, оказалось при более близком изучении – блефом, муляжом, обманувшим всю вселенную. Денеб – яркий и величественный Денеб, не был гигантской звездой, вселяющей страх и

уважение соседних созвездий. Это было дерьмо, собранное из миллиона ярко светивших мелких звёзд, каким – то недоумком, на равных расстояниях друг от друга, и образующих огромную сферу, не соразмеряемую с массой этого образования. Теперь мне понятны лицемерные улыбки экзаменующих, приговоривших меня к управлению этой звёздной системой. Мне навязали вселенную, во вселенной, притом внутри этого звёздного образования находилось тринадцать планет, каждая со своей орбитой и как минимум, восемь из них населены живыми существами. На пульте ясно горела оранжевая имитация звезды, указывающая, что управляющая ответственна за жизнь в своей галактике. Для меня это была полная неожиданность. Вот и думай, Втора, вопросы задавать легче, чем искать ответ в очевидном. На первый взгляд, эта фальшивая галактика, абсолютно, не была защищена, любой пробой, как через сито, уничтожал бы этот бу-тафорский звёздный шарик, вместе с его содержимым, избавив Лебеда от прилипшего дерьма, даже последствия этого пробоя предсказуемы; я мысленно представила полубогов, с нелестными выражениями, отстирывающих одежду своих созвездий, от какашек величавой птицы. При этом бы, Денеб пропал навсегда со звёздного неба, лишив изделия бога загадки и эксклюзивности этого творения. Может и прав поэт, сказавший:

– Если звёзды зажигают, значит это кому-то нужно?

В любом случае, нужно постараться защитить эту галак-

тику, узнав её предназначение. Опыт, не раз мне подсказывал, что лишних, ненужных изделий не было у бога, всему было дано своё место, определение и предназначение, только не всегда это дано понять нам. Денеб добавил седины в мою бессмертную голову. Я на колеснице бога пятый раз облетела это огромное созвездие, яркий шокирующий свет которого создавал иллюзию одной звезды; хвост курицы был чист от планет, метеоритов и космического мусора, сопровождающего остальные звёздные системы, освобождающиеся от этой напасти, за счёт массы звёзд, работающих природным пылесосом, притягивающих и сжигающих всё то, что выкинула вселенная за борт своего существования. Было такое ощущение, что кто-то веничком поработал перед моим прибытием к галактике, которую из себя представляла звезда Денеб, что в переводе означает хвост курицы. Я надеялась, что время позволит мне разгадать эту загадку создателя. Я не знаю, но что-то настораживало меня от этой кажущейся простоты с иллюзионной фальшивостью, уж больно блеск звезды, спрятанной под маяк вселенной, напоминал мне ловушку для кораблей, разбивавшихся о прибрежные скалы с обитавшими на них разбойниками. Я возвращалась к себе в зал управления созвездием злая на полубогов и задумчивая от кучи возникших вопросов. Дверь в мою обитель была такая же, как на сфере передвижения, только она автоматически открывалась и закрывалась при моём приближении, реагируя на артефакты бога на моём теле. Я не

боялась неожиданного вторжения кого-либо постороннего, но, когда я увидела на пульте обыкновенный магазинный пакет с неизвестным содержимым, мои волосы встали дыбом, а в ногах появилась неприятная дрожь, сопровождающаяся стыдливым теплом. Я с опаской подходила к находке, в которой при подробном рассмотрении, находился конверт, без адреса отправителя, тубетейка и большой ключ. Я узнала откуда был отправлен конверт, по ключу, которым Завсеха закрывал сундук ненужных волшебных вещей, от бабушки. Я с нетерпением вскрыла конверт, в котором, почти административным языком, на трёх языках, которыми я владела в совершенстве со времён моей молодости, было написано:

– Странице от разбойника. Втора, я передаю тебе по праву владения, последнему старшему сказочному жителю страны Истины, ключ от сундука ненужных волшебных вещей. Лесника.

Сравнив все три текста, я поняла, что сундук, с этими бесценными сокровищами, находится в сказочной стране, под домиком лесника, и он, действительно, стал не нужен никому, в первую очередь детям, больше доверяющим интернету, чем сказкам бабушек. Я вспомнила разбойника, с которым сидела на свадьбе у Акины, и который не скрывал восторженных влюблённых глаз с искусственной куклы, по имени Втора, танцующей танец смерти с Кощеем. В письме разбойника, между строк, я увидела отчаяние ненужного, забытого человека, который, передавая ключ в надёжные руки, вместе

со своей скрытой любовью, передавал надежду на восстановление честного имени героев королевства Истины. Это было прощальное письмо ушедшей сказочной эпохи, хранительницей которой, доверено быть мне.

Но жизнь продолжается! Настали новые времена и люди придумали новые сказки. Я находилась далеко от маленькой планеты по имени Земля, выполняла очень ответственную работу, иногда поливая слезами эту расшитую тюбетейку, плача от злости, от бессилия, от того, что не с кем посоветоваться, просто, прильнуть к сильному плечу, почувствовать поддержку; и постоянно боролась с желанием, одеть тюбетейку на голову чтобы, хоть на миг, окунуться в место, где тебя ждут, в пяти остановках, от города, за столом, с чаем и вареньевым вареньем. Я ещё верила в сказки, и не понимала слов мудреца, который говорил, что нельзя в одну реку войти дважды. Сирота, не знающая своего места рождения, я считала своей родиной место придуманных сказок, и меня всегда тянуло в страну Истины, принявшей меня своим ребёнком, по имени- Страница.

Всё уже было готово к десантированию, уже даже была назначена дата и время, но этот русский, который землянин из Дормидонтовых, как бы не о чём, и как бы в воздух, не обращаясь ни к кому: – А, вы уверены, что не совершаете ошибку? А, достаточно ли вы изучили то место, где находится наш

корабль? А вы обратили внимание, что у нас всегда день? А может на этой планете есть места, с меньшим содержанием нечисти? А, может на этой планете есть другие животные, за которыми лучше пока понаблюдать с корабля? А, вы случайно не заметили, что около нас ещё есть планеты с другой орбитой движения? И этих вопросов он выкинул штук двадцать, обращаясь в пустоту, сидящую с открытыми ртами. Потом Карлсон поделился опытом своих компьютерных исследований, он нашёл документы с допросом одного из сержантов планеты драконов, с фиксацией координат той земли, откуда он прибыл. Мы смотрели видеозапись допроса, до последнего, пока из уже мёртвого сержанта не вылез щупалец медузы и не утонул в напалме, поглотившем его, вместе с сержантом и видеокамерой, перед которой он позировал. Вот видите, господа, где мы находимся, судя, по совпадениям координат, нам посчастливилось попасть в закрытые миры Мооз. А, вы, земля Мочалка! Сержант прожил двадцать минут, как вы думаете сколько продержатся ваши капсулы? Если только один протеиновый протуберанец, за счёт массы, способен утащить корабль с усиленно работающими двигателями и спрятать его под толщей мегатонных щупалец и наростов монстра или монстров, которых мы назвали медузами, за внешний вид и способы воздействия. Поверьте, то что находится внизу, настолько отлично от медуз, насколько я отличаюсь от Дирижабы. Как бы не нравились мне земляне, но он был прав. И насчёт Мочалки тоже, мне тоже не нра-

вилось это название. До меня только после слов учёного стала доходить абсурдность нашего плана, при подробнейшем анализе, мы предлагали себя нечисти на сковородке с гарниром и соусом, одна только капсула, спускаемая на планету с троса, вместе с кабелями обмена цифровой информации, чего стоила? Я отменил приказ на десантирование, вся команда, не задействованная в вахтах, по обслуживанию корабля, занялась изучением непонятного объекта, называемого – миры Мооз. Никто не роптал, за полгода исследований мы собрали столько информации, что готовы были молиться на этого толстого ученого с земли, что он не дал нам осуществить десантирование. От нашего первоначального плана пришлось отказаться, учёные работали над способом взятия проб, рискуя изучить их на территории корабля, в специально оборудованной лаборатории, учитывая опыт утилизации нечисти на драконовой планете, с аварийным сбросом лаборатории в космос, при непредвиденных обстоятельствах. Питомцы всё время крутились под ногами, агрессивности по отношению друг к другу не проявляли, иногда пропадали по три дня неведомо где, но я знал, что дальше камбуза, эта флорофаунная живность никуда не денется. Если честно, мне было не до них, их участь я полностью доверил Лома. Я никогда не думал, что у этих комнатных хомячков, хватит ума перепрограммировать компьютер, и с его помощью, приручить робота, превратив его в домашнюю собаку, подчиняющуюся только приказам малышей. Миры Мооз по-

давались изучению тяжело, но опыт полученный командой, был бесценен. Мы уже знали, что находимся в месте, которое окружено множеством звёзд, что около нас, на других орбитах вращается двенадцать планет и восемь лун, что атмосфера планет пригодна для дыхания, но заражена неизвестными видами бактерий и вирусами, которые действуют на человека, как никотин на лошадь. Даже то, что одна из планет имеет воду, нам было известно, но даже нагревание воды, до состояния возникновения пара, не спасало от проблем, аналогичных с состоянием атмосферы. Инженеры сказали, что здесь вода закипает при девяносто градусах, а температура на разных планетах, по – разному, и только луны спасают некоторые планеты от перегревания, но в основном, благодаря густой атмосфере, создающей зеркальный отражающий эффект, на восьми планетах сохраняется стабильная температура, в пределах тридцать пять градусов на поверхности.

Эти восемь планет и являются основами зарождения органической жизни, на девятой планете, пролетая через её орбиту, мы столкнулись с проявлением неорганической жизни, для которой защиты корабля не существовали, они, как летающие привидения, проникали на корабль, в любой отсек, забирая души всех, кто попался на их пути, пока я не сообразил, что они боятся зеркал. Кто-то из моих генов, подсказал это. Мы за считанные секунды, потеряли тридцать членов экипажа. Нас осталось сто двадцать шесть. Учёные со-

здали внутренний зеркальный экран корабля, вырастив его из полимерных материалов за неделю, который включался автоматически при пересечении с орбитой девятой планеты. Кроме того, когда была охота этих неорганических существ, скорее напоминающих фантомы, наш Карлесон изволил принимать душ, и он заметил, с каким ужасом, какие-то прозрачные птеродактили покинули его бокс. Он говорил это так спокойно, как будто, кто из поварих, случайно перепутал душевые кабинки и заглянул к нему, насчёт картошки дров поджарить. Когда один из химиков спросил:

– А, почему птеродактиль?

У него была совсем отличная теория внешнего вида, напавшего на нас существа. Дормидонтович сказал, что один из них нахлебался воды и до сих пор лежит в душе. Химики, вместе с дезактиваторщиками подскочили, как ошпаренные, на ходу вызывая роботов, помчались в каюту Карлсона. Слава богу, с заражением пронесло, у нас, впервые, появилась возможность исследовать одну из форм жизни миров Мооз. Мы знали, как с ней бороться. Только горьким был этот опыт. Корабельный морг пополнился новыми трупами, и я не знал, когда и где предадут их земле, отметив в журнале запасной вариант, утилизация и разбрасывание пепла над планетами многозвёздной системы. Как корабельный компьютер допустил такую ошибку, каким – то образом захватив координаты запретного мира, и проскользнув через солнечную решётку, ценой гибели большей части экипажа? Как –

будто, кто специально, внёс координаты этих убийственных миров в маршрут нашего корабля. Эти вопросы вертелись в моей голове, но от их решения ничего не менялось, стояли совсем другие задачи, хотя всё, что происходило на корабле и все мои мысли я заносил в компьютер и дублировал в журнале командора, с того времени, как я принял командование кораблём, озаглавив мою инаугурацию, титульным названием – «Миры Мооз». Думаю, сержант стоит того, чтобы увековечить его имя. Ах, да, а главное чуть не забыл, мы вычислили тот период, когда нечисть на первой планете, не агрессивна и безопасна, как никогда. Она, как и всякое биологическое существо, имела брачный период, и в момент спаривания была глуха, как одна из земных птиц, после выполнения своей детородной миссии, погибала, выпросив оплодотворённые споры, похожие на крупные страусинные яйца, которые как рыба икра, покрывали всю планету, и в этот период, являлись основной пищей для большого количества живности, заселяющей этот мир. Перемирие длилось целый месяц, раз в году. Нам придётся ждать целый год, чтоб произвести десант и изучить эту планету получше. Мы стали осторожнее относиться к названиям, забыв про шуточную Мочалку, но девятую планету с фантомной жизнью, единогласно назвали планетой Птеродактилей. Триффид учил кота летать, подражая этим злобным ящерам. Мне иногда забавно было наблюдать за их играми, в которых был свой смысл, полный добра и юмора.

Глава 4 Возвращение в сказочное детство.

Сюрпризы первой планеты

Дракоша шёл по лесу, погруженный в детские воспоминания, и недалеко от маленького, со вкусом, облагороженно-го болотца, инкрустированного, экзотической формы, самоцветными камнями, он лоб в лоб столкнулся с подругой детства – Светкой, которая с бутылкой шампанского и небольшим тортиком направлялась в дом лесника. Это было так неожиданно. Подруга приехала из Бугульмы, где работал её супруг, получивший контракт на выращивание новой породы лошадей, который всё время пропадает со своим табуном. Гоша, и города то такого не знал, он в географии, больше с высоты птичьего полёта ориентировался. Светка соскучилась за королевством и решила отметить день рождения в доме, в котором она выросла. Никаких подарков не надо, лучший подарок – это ты, что я тебя встретила, – отшутилась подруга, подхватив преображённого дракона под руку. Гошка покраснел:

– Неудобно как-то...но Светка его уже не слушала, тащила вглубь леса по заросшей тропинке, что – то рассказывая про лошадей. Гошка в коневодстве совсем не разбирался, поэтому, только молча кивал. Возле домика лесника имениннику уже поджидал дядя Лёша, устроившийся работать в каком-то НИИ в Москве, с букетиком живых цветов и таким же тортом, привезённым из столицы России. Дракон почувствовал себя вдвойне неудобно, ещё и одет не празднично.

Дядя Лёша сгладил его конфуз тем, что сказал:

– Он тоже был не готов к празднику, сюда на дачу приехал из Чайковского, в свитере, порванных джинсах и кроссовках, которые пришлось поменять на тапочки.

Гоша понимающе кивнул, кроссовки ему были ближе, чем лекция о коневодстве; каждый вечер драго выкидывал его обувь в форточку, приравняв этот аксессуар к бактериологическому оружию, смешанному с гербицидами и пестицидами, придуманного для истребления такого классного парня, как бонсай драго. Пока Гоша не заказал сапоги, не пролезающие в форточку, и этот классный парень, производил сложные геометрические расчёты, создавал механические приспособления, но пока у него ничего не выходило и сапоги стояли на привычном месте. Гоша соскучился за цветком. Дядя Лёша помогал Светлане накрыть на стол, сожалея, что система экстренного питания попала в нехорошие руки, после принудительной приватизации. Её обложили налогом, и не понятно, кому он идёт. Если раньше никто не знал этих двух из ларца, и не принимал их всерьёз, то сейчас эти двое, перебравшиеся в избирательную корзину, стали политиками, и по очереди становятся президентами. Всё государство в их руках. Светка прервала этот грустный разговор, напомнив, что у неё день рождение бывает раз в году, а политика, она вечная. Вслед за поздравлениями и шампанским, закипел чайник и настало время чая и душевных бесед, Светка из загашника достала последнюю баночку вареньевого варенья.

Гошка вертелся и недовольно крутил носом, который был, не так чувствителен в преображённом человеческом виде. Дядя Лёша обратил внимание на беспокойство дракона:

– Я тоже чувствую, но думал, что мне показалось.

Светка посмотрела на мужиков, зашмыгала принохиваясь; да нет, ничем и ничто не пахло, чего это они так на неё вылупились, как – будто она воздух испортила, и замолчали враз, как-то подозрительно. Лёша прояснил ситуацию:

– Детством пахнет. Волшебством!

Точно, – подтвердил Леший. И дядя Лёша выгнал всех на улицу. Гошка постеснялся раздеваться перед женщиной, но Леший справился и сам, вытащив, из – под дома, закрытый сундук, с большим замком. Гошка принохался:

– Завсехой пахнет.

Дядя Лёша подтвердил. Светка всплеснула руками:

– Я знаю, где у отца топор хранился.

(Она разбойника отцом называла.)

– Давайте откроем, а вдруг там клад.

Дядя Лёша сказал, что если бы кладом пахло, то он бы, даже, под дом не лез. А Гошка добавил:

– Ты что, волшебную печать не видишь? Не клад это, а сундук ненужных волшебных вещей, и хозяин у него есть, и вскрывать его нельзя. Ты не забыла ещё, как ящеркой вокруг болота бегала? С волшебными вещами не шутят, Света!

Давай-ка мы этот сундук на место положим, и забудем, где он лежит, – предложил Леший, и мужики взялись за работу.

Светка надулась, она ничего не чувствовала, не видела никакой печати, ничего не знала про сундук ненужных волшебных вещей, но хорошо помнила то время, когда спала в болотном цветке и бегала в шкуре ящерицы. В дом все вернулись сконфуженные, как- будто их застукали за подглядыванием в замочную скважину. Дядя Лёша, чтоб стереть эту грань напряжённости, предложил молодёжи сказку, которую они не слышали в королевстве Истины.

—Давно это было. В те времена, когда храбрых царей выписывали из-за границы, они войско, сами возглавляли и народ, без воевод, защищали. Повадились в нашу землю всякие басурмане, и чудища иноземные, набеги делать: воинов убивать, скот угонять, девок работающих и красивых воровать; а с другой стороны разбойники объявились, грабили и обижали всех, не разбирая. Царь войско против басурманов направит, разбойники покоя людям не дают; против разбойников выступит, басурмане наглеют. Что он только не предпринимал: и делил войско, и умножал, возводил в квадрат и интеграл каждому войну на лбу рисовал, а только не получалось у него ничего. Пришёл тогда царь к колдуну, просить богатыря, чтобы землю родную от напасти выручил. А колдун говорит, что богатыри на Руси давно перевелись: одного твоя дружина засвистала, другой в фермеры подался, третьего тридцать лет с печи, после православных праздников, поднять не можем.

– Говоришь, что нигде успеть с войском не можешь, то басурмане лупят, то разбойники дрозда дают? Выручу я тебя, царь! Но это последний раз. Дам я тебе парня расторопного, Завсехой кличут, тот везде успевает, женское население, по крайней мере, на него не обижаются, пока ты своих воинов туда-сюда гоняешь. Ты не смотри, что он мужичок неказистый, зато божественную искру одноногого и однорукого Амуна в душе имеет и смекалкой не обижен.

Завсеха, так Завсеха! Не знал царь в чём богатырство этого хлюпика, но задачу ему конкретную поставил – сначала разбойников уничтожить, потом за басурман взяться, чтоб им пусто было! Услышал Завсеха волю царскую, взмолился:

– Я, то, царь батюшка, от роду, с правильной житейской ориентацией. Но спаси меня от греха, а басурманов с ворьём, от позора, государь.

Но разгневался царь, совсем лютый стал, не позволил он холопу безродному бунт устроить, чтоб против царского наказа идти. Дал он Завсехе плетей в бане, и велел волю царя исполнять. И пошёл Завсеха, навстречу разбойничьей гибели. Сказал царь разбойников уничтожить, ну..., это, Завсеха и начал с ними воевать, целую неделю: день сменялся ночью, чёрные тучи заслонили солнце, земля устала кровь впитывать, а луна – слушать крики и стоны умирающих. Тех, кто видел поле боя, после битвы, не мог сдержать слёз от горького смеха, им жалко было погибших разбойников. Завсеха один со всей бандой справился, потом за басурман

взялся. Надеюсь, Аллах не видел этого боя? А зря! Завсеха был хорош, виртуозно владея своим секретным сверхоружием. Басурмане ориентир потеряли, и вместо басурманских гор, в Европу сбежали, теперь там и живут, а в Россию возвращаться боятся. Так Завсеха выполнил волю царя и землю русскую от набегов спас, и приказ иностранца исполнил. Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец! Гошка слышал эту сказку, и ещё в восьмом классе, расшифровал её с помощью интернета. Он знал, что есть продолжение сказки, его то дракон и не слышал. Он пристал, как банный лист, к Лешему:

– Дядь Лёш, расскажи, да расскажи.

Сдался дачник, заметив, как заблестели глаза молодёжи, соскучившейся за сказками.

– Устал богатырь от ратных трудов, еле добрёл до пещеры, в которой басурмане добычу прятали, забрался в какой-то пустой кувшин из – под зерна, и заснул молодецким сном. Три дня и три ночи спал, проснулся от постороннего разговора, в щель между крышкой и кувшином, он увидел двух джинов, из их разговора он понял, что всё награбленное золото сгрузят в большой короб и завтра, они повезут его шайтану.

Дядь, Лёш? – перебил повествование Дракошка:

– А, что? Разве Завсеха не мог победить джинов своим секретным оружием? А золото забрать себе.

Лещий нахмурился, он не любил, когда его перебивают:

– Гоша! Насчёт джинов и прочей нечисти, Завсехе приказа от царя не было. Слушай, что дальше было. То, что было дальше, мне Карим рассказал, поэтому от его лица, я и буду продолжать:

– Он ухом слышал, как эти джин говорил, друг друга, что всех русских девочек, отвезти к шайтану, и что их погрузят на пароход и увезут далеко-далеко, где папа и мама этот шайтан живёт. Тогда Завсеха, как хитрый и умный обезьян, залез коробка, деньги себе на голову бросал, чтобы его джин нюхать не мог. Тот носом крутил, туда-сюда, где человеческий дух нюхал, крышка поднимал, а там деньга, который трогать нельзя, шайтан-майдан, секир башка делать будет. Джин пешком не ходил, он пешком в воздух летал, как ковёр Завсехина жена. Только коробка на небо полетел, этот хитрый джигит, дырка сделал и стал деньга на землю кидал, чтобы назад дорога искать. Когда джин к шайтану прилетел, этот нехороший мальчик – пальчик, из коробка в туалет пошел. Шайтан-майдан, как в коробка смотрел, так один джин сразу секир башка делал, а другой джин, этот шайтан, посадил на цеп вместе с собакой, приказал женщин смотреть, чтоб никто их не воровал. Этот хитрый Завсеха, одел халат, и тюбетейка дервиш, и злой собака кишмиш давал, шашлык – башлык делал, лезгинка танцевал, и пьяный вино наливал. Когда шайтан-майдан утром в пещера пришёл, то злой собак, вместе с джин крепко спал, что даже не слушал, как голова прыгал по дороге, от кинжала. Завсеха женщин золо-

той тропинка показал, а сам другой сторона побежал. Шайтан-майdan, совсем нехороший, злой стал и, как шакал, след нюхал. Он поймал этот Завсѣха на свой земля, сначала убит хотел, а потом мало-мало думал и проклятие сказал: – Чтоб, ты урус был, как вождь, вечно молодой, а твой жена, как луна, был красивый, и жил вечно, пока ты её не пустишь к Аллаху. Вернёшь калым за моя невеста, сниму проклятие.

Тут уже Светка не выдержала:

– Какое же это проклятие? Когда шайтан пожелал Завсѣхе вечной молодости, а его жене лунной красоты?

Дядя Лёша замолчал, немного передохнул от сказочного краснословия.

– А, ты, Гош, тоже так думаешь?

Я пожал плечами. Дядя Лёша, с горечью, посетовал:

– И чему только молодёжь в академиях учили? Ведь кавказская мудрость звучит:

– Не дай, Аллах, пережить вам своих детей!

А Завсѣха даже внуков пережил, и жена не стала дожидаться, когда он её отпустит, ушла, и больше не вернулась с Земли, в сказочное королевство Истины, дающее ей молодость. Не к кому, и незачем было возвращаться. Ты Света, молода, и луну считаешь красивой!? В Испании в горах живёт народ, который, если хочет обидеть своего врага, говорит, чтобы их жёны не знали любви, и были в постели холодны со своими мужьями, как луна. Тяжело быть луной, то старой, то молодой, то полной, то худой – вот какую участь

уготовил шайтан для бабушки.

Дядя Лёша замолчал. Грустный конец получился у сказки, совсем, как у Андерсена. Светка, не скрывая слёз, плакала, крупные росинки скатывались с её покрасневших глаз, падая на пол, отражая вечернюю луну, над потемневшим лесом. Я незадолго, перед тем, как нашел работу в лаборатории, встретил дедушку Завсеху. Он шел в сторону поселкового кладбища и нёс цветы, у него была длинная борода мудреца. Наверное, ему удалось снять проклятие шайтана. Это была моя последняя встреча со сказочным русским богатырём, победившего неприятеля грозным волшебным оружием.

Наконец, день любви настал, осыпались колючки на гигантских стволах, странной злобной растительности, похожей на земную крапиву, покрывающую почти всю планету; с орбиты корабля она казалась нежной серой травой-муравой, которая, под влиянием воздушных потоков, шевелилась, переливалась, тёрлась друг о друга, лаская взгляд, как гигантское поле степного ковыля. Но какими же объёмами обладала эта мирная травка, если, даже с космоса, можно было рассмотреть каждую травинку, каждый изгиб её, вросшего в тело планеты, ствола. Хорошо, что у нас было достаточно времени, и мы успели найти оптимальное посадочное место, до мельчайших подробностей, спланировав десантирование, усиленными дополнительными двигателями, капсул.

Планета ждала нас! И мы готовы были ко встрече. В две капсулы можно было поместить весь экипаж корабля, но это было не разумно. А так, как все хотели ступить на неизведанную планету, просто размять ноги, то решили организовать экскурсию в два этапа. Половина команды летит сейчас, половина в следующую смену. Разведчики, прилетевшие вчера с планеты, убедили нас в безопасности мероприятия. Действительно трава не подвергала нас опасности и разнообразная живность, вылезшая на поверхность планеты из пещер, щелей и оврагов не проявляла агрессии, по отношению к нам. Соблюдалось какое-то табу на убийство, на поверхности планеты, вошедшее корнями в мозги каждого существа, не зависящее от силы, или кровожадности, встречающихся нам монстров. При беглом взгляде, вся эта многообразная планетная фауна, которую ещё предстояло изучить учёным и дать название каждой сущности, с подробным описанием рациона и вкусовых предпочтений, не должна была существовать, и её было настолько много, что разбегались глаза в этом уродстве, чтобы описать, какой-либо, отдельный вид. Горстка людей утонула среди огромных существ, перед которыми самые большие динозавры, которых мог представить человек Земли, казались бы игрушкой из шоколадного яйца киндер – сюрприза. Рядом, мимо нас пробегали существа меньше корабельных десантников, а самые маленькие, похожие одновременно на мух и сказочных фей, обнажающие совсем не сказочные зубы и жала, летали перед нашими лицами роя-

ми. С расщелин вылезли существа, имеющую пугающую яркую окраску, с телами, переливающимися на солнце, похожие на светлячков, они как пёстрые змейки, выглядывали из – под земли, не рискуя вылезть на поверхность и смешиваться с этим феерическим разнообразием ужаса. Неосведомлённым, нам было невдомёк, что эти, по – своему, симпатичные пёстрые уродцы и были самой грозной ошибкой создателя, и в той части тела, что была спрятана под землёй, в большом шарообразном сосуде, который таскали эти светлячки на спине, был заключён яд, способный уничтожить живность любой планеты, в считанные секунды. И они, не вылезли из щелей, потому что боялись нарушить это хрупкое перемирие. Трава, как гигантские змеи, тёрлась друг о друга, создавая звуки, похожие на трение ластика о стекло. Любое описание землетрясения, не могло сравниться с любовными ласками стволов гигантских растений. Не о каком дальнейшем исследовании планеты речи не могло быть, достаточно визуально посмотреть на штормящее море гиганта. Мы, как и миллионы существ, собрались, на отвоёванном самой природой, у планетной флоры, участке скальной почвы, и все чего-то ждали, наблюдая за экстазом травы. Вдруг растение задрожало, прокатился всеобщий вздох. Растение стихло, несколько раз дернувшись в конвульсиях, и над поверхностью успокоившейся травяной массы, появились бутоны оранжевых цветов, вся планета зацвела, превращаясь в ковёр из гигантских букетов. Под действием света, цвет это-

го великолепия начал меняться, превращаясь из оранжевого в синий, переливаясь всеми гаммами цветового растра. Бутоны, всё больше и больше раскрывались, медленно, как лилии на заболоченных просторах центра России. Рога инопланетных существ, как антенны были нацелены на выросшие цветы, и как только, из цветов посыпалась пыльца (или споры, как результат этого спаривания травы), похожая на крупные страусиновые яйца, началось движение всей нечисти, столпившейся на маленьком участке почвы. Вмиг, серая поверхность травы, почернела от атаки уродов. Все хватили яйца, не сдерживаясь, разбивая их на месте, клювами, копытами, жалами. Мы тоже попытались разбить одно яйцо: это было не просто, оно пружинило, как резиновый мячик, как яйцо из кладки змеи или ящерицы. Наконец нам удалось его вскрыть с помощью штык-ножа, первым рискнул попробовать инопланетную начинку учёный, из туристов, Поликарп, который. Он понюхал яичницу, она пахла цитрусом, взял на палец немного, начинка, по виду, была похожа на паштет, попробовал, потом сделал вид, что проглотил кактус, даже симитировал отплёвывание, вызывая рвотный эффект, потом вывалил всё содержимое яйца... себе в рот, схватился за горло и рухнул на поверхность, чуть не раздавив одну из змеек, если бы его не подхватил уродец, похожий на летучего зайца, рудиментарные крылья, которого, начинались над головой, как у моли. Мы все, с ужасом смотрели на это представление. Карлсон понял, что пересолил борщ, или пере-

борщил с солью, вскочил с земли и как сумасшедший, по головам местной публики, побежал за, падающими с цветов, яйцами. Он ковырял их ножом, съедая на ходу, действуя острым лезвием, как ложкой. Мы смотрели на него, как обезьяна смотрит на посетителей зоопарка, и когда этот шок прошёл, то команду, столпившимся строем военных подводников, членам нашего экипажа давать не нужно было. Через час, когда время первой смены истекло, и вторая смена уже ждала у окуляров корабельных телескопов, глотая слюни, подкатившие к кадыку, весь состав десантников выглядел, как беременные пингвины, переевшие торта, на день рождения деревенского цирка. Собралась вся смена, только не было Карлсона. Для таких людей не существует дисциплины. Я не имел представления, где искать этого оболтуса. Все улетели, я остался, чтобы провести инструктаж новой смене десантников, в надежде, что у Дормидонтовича появится совесть, и он сам вылезет со своего схрона. Мне было не до шуток, его дурацкие кривляния, переросшие в идиотские прятки, били по остатку нервов, после катастрофы корабля, в которой мы, волей судьбы, оказались в таком месте, из которого обратного пути к дому не существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.